

ПОКРОВСКОЕ-
СТРЕШНЕВО:

История, люди, события

А. В. Потапенко

ПОКРОВСКОЕ-
СТРЕШНЕВО:

История, люди, события

КУЧКОВО ПОЛЕ

Москва

2019

УДК 908(470-25)
ББК 70(2-2Москва)
П 64

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента
средств массовой информации и рекламы города Москвы

Потапенко Андрей Владимирович

П 64 Покровское-Стрешнево: История, люди, события. — М.: Издательство
«Кучково поле», 2019. — 384 с.: ил.; 16 л. ил.

ISBN 978-5-907171-22-0

Эта книга — первое обобщающее исследование, посвященное усадьбе Покровское-Стрешнево и прилегающим территориям. Автор, используя обширный массив источников и литературы, прослеживает историю усадьбы, владельцами которой были представители дворянского рода Стрешневых, сыгравшие важную роль в становлении российской государственности в XVII–XVIII веках.

Большое внимание автор уделяет изменению внешнего облика и интерьеров усадьбы с момента ее основания до сегодняшнего дня, включая утраченные части, а также реставрационным работам, проводившимся в усадьбе в XX веке. В книге рассматривается история утраченного павильона Елизаветино, здания вокзала станции Покровское-Стрешнево на Виндавской железной дороге, рассказывается об известных деятелях литературы и искусства, чьи судьбы были связаны с усадьбой, — это С. А. Берс (Толстая), С. М. и В. С. Соловьевы, В. Б. Шкловский и др.

Книга обширно иллюстрирована, множество фотографий сделано автором на протяжении 2010-х годов. Используются редкие иллюстрации, в том числе из личных архивов реставраторов, работавших в усадьбе в 1980–1990-е годы.

Книга будет интересна как специалистам-культурологам, так и всем любителям истории и культуры России, особенно москвичам окрестных районов, живущим близ уникальной усадьбы.

УДК 908(470-25)
ББК 70(2-2Москва)

ISBN 978-5-907171-22-0

© Потапенко А. В., текст, иллюстрации, 2019
© ООО «Издательство «Кучково поле», 2019

*Светлой памяти архитектора
и реставратора Сергея Киселева (1953–2001),
который на протяжении двух трудных десятилетий жил усадьбой
Покровское-Стрешнево, ставшей делом всей его жизни;
руководил ее воссозданием, дважды пытаясь возродить былой блеск
Покровского-Стрешнева — и в процессе реставрации в 1980-е,
и после пожара в 1990-е, но так и не успев увидеть
результаты своей работы завершенными...*

*Также посвящается всем его коллегам,
бывшим рядом с ним в этом трудном деле, —
ныне живущим и уже ушедшим.*

ПРЕДЫСТОРИЯ, ИЛИ КАК БЕЗВЕСТНАЯ ПУСТОШЬ ОКАЗАЛАСЬ ВО ВЛАДЕНИИ СТРЕШНЕВЫХ

История столицы — это не только история ее центра. Располагавшиеся вокруг нее поселения, села, слободы, монастыри, которые город постепенно поглощал, также вносили свои штрихи в общую историческую картину. Часто важнейшие для страны события разворачивались не в Кремле и даже не в центре столицы, а в местах, которые даже теперь все еще считаются ее окраинами.

Северо-запад Москвы, в котором оказалось нынешнее Покровское-Стрешнево, — это уникальнейший комплекс археологических и исторических памятников, отражающий огромный период от палеолита до советского уже времени. История этих краев уходит в глубь веков намного дальше, чем история кремлевского холма. Исследователи всерьез считают, что именно у Тушина были все шансы стать столицей, но удача улыбнулась другому поселению — связанному с именем Юрия Долгорукого. Не только в Москве, но и, пожалуй, во всей России трудно найти другое место, где в такой тесной близости были бы так обильно представлены следы самых разных эпох: древнейшие на территории столицы останки первобытного человека — знаменитый Сходненский череп — самые загадочные в истории человеческие кости, вызывающие ожесточенные споры ученых об их датировке; кости мамонта, ставшего добычей древних охотников; остатки городищ и селищ раннего железного века; поселения древних славян и курганы X–XIII веков; древние торговые пути по реке Восток и Волоцкой дороге; целый склад оружия и доспехов Смутного времени, до сих пор пополняющийся новыми находками... Поблизости, в Тушине, стоял лагерь Лжедмитрия II, а в итоге события Смутного времени породили новую династию, у истоков которой стали Михаил Федорович Романов и его супруга Евдокия Лукьяновна Стрешнева. И здесь же в середине того же XVII века обос-

новался четвероюродный брат царицы Родион Матвеевич, вотчина которого при потомках как раз и стала знаменитой усадьбой Покровское-Стрешнево. Уже в советское время на соседнем Тушинском поле, в пойме Москвы-реки, появился аэродром, много лет верно работавший на благо авиации (и даже кинематографии: здесь снималась финальная сцена фильма «Золотой теленок», где Остап Бендер — Сергей Юрский — неудачно пытается перейти государственную границу). Само же Стрешнево в годы Великой Отечественной стало воротами и рубежом Москвы на западном, Волоколамском направлении — прямой дороге на фронт: за территорией усадьбы заканчивалась тогда городская черта, а в самом доме был развернут военный госпиталь.

Еще в I тысячелетии н. э. в этих местах расселились пришедшие с разных сторон угро-финны, а затем славянские племена вятичей и кривичей. Границей размежевания племен стала река Сходня, изначально звавшаяся Восток, потому что по ней из Москвы-реки поднимались суда, направляясь к Черкизовскому волоку, который вел к Клязьме. Была она в те времена бурной и полноводной. Известный путешественник и дипломат Адам Олеарий писал в 1643 году: «Переправлялись мы через многоводную и быстроходную реку Восток и едва-едва не утонули в ней»*. Заметим, что это было написано уже во времена первых Романовых и до поселения в этих краях Родиона Стрешнева оставалось всего каких-то 20 лет.

Еще в 1890-х годах по инициативе тогдашнего генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича в Тушине и окрестностях — Сходненском ковше, Братцево, Шукине, Спас-Тушине — проводились обширные археологические раскопки, в ходе которых были обнаружены серебряный шейный обруч-гривна, железный серп и многое другое. В большом кургане, называемом в писцовых книгах начала XVII века Великой Могилой, стоявшем в направлении села Братцево, еще в 1879 году было найдено захоронение, по-видимому, славянского вождя, костяк которого был весь обернут берестой, а в головах стоял горшок с вытесненной на его дне монограммой, означавшей хорошую работу. В окружавших эту Великую Могила малых курганах были обнаружены женские бронзовые украшения.

* *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / введение, перевод, примечания и указатель А. М. Ловягина. СПб., 1906.

В 1927 году истринским краеведческим музеем вновь были предприняты раскопки городища и курганов на берегу Сходни, между селами Тушино и Спас. На городище были найдены образцы керамики дяковской культуры. В могильных курганах обнаружены захоронения в деревянных гробах-колодах. И хотя археологи датируют курганы приблизительно X веком, местные жители еще в XIX веке верили, что это могилы поляков, погибших в Смутное время, и в них Тушинский вор — Лжедмитрий II — после поражения своих войск приказал закопать награбленные сокровища, надеясь за ними вернуться. Тем более что «Цариков стан» стоял тут же, на правом берегу Сходни, где она делает последнюю петлю, прежде чем влиться в Москву-реку. Сейчас в этом месте Волоколамское шоссе пересекает Сходню. Чуть дальше, в Митино, недавно появился свой Цариков переулок, как раз в память об этом событии.

В X–XII веках, как писал русский историк И. Е. Забелин, «вся Суздальская Русь, или по теперешнему имени Московская сторона, так прямо и прозывалась *Лесною землею*, глухим *Лесом*»*. Основные экономические связи осуществлялись по рекам, а между реками по волокам — сухопутным переправам. Как мы уже говорили, по Восточне поднимались, «всходили» к Черкизовскому волоку и далее на Клязьму, по которой плыли вниз, до города Владимира — столицы Владимиро-Суздальской Руси. Еще один волок, на реке Ламе, дал название городу Волоколамску, куда сейчас ведет Волоколамское шоссе.

И. Е. Забелин, проработав массу источников, пришел к выводу, что именно здесь, на северо-западе московских земель, и могла возникнуть столица Руси: «В незапамятное для письменной истории время, в верстах 20 от теперешней Москвы [...] создавалось гнездо промысла и торга, где впоследствии мог возникнуть и тот самый город, который мы именуем Москвою»**. Однако параллельный путь по Яузе до Мытищ с волоком опять-таки в Клязьму оказался предпочтительным, потому как Клязьма, да и сама Москва-река в тех краях более полноводны. Новый водный путь — канал имени Москвы — стал приемником старого: устья Сходни и канала разделяет только застраиваемое сейчас Тушинское поле, и выходит он в Клязьму немного ниже Черкизов-

ского волока, в районе города Долгопрудного, по другую сторону Химкинского леса.

Летописи повествуют, что эти края издавна были великокняжеским владением. Еще в 1332 году Иван Данилович Калита пожаловал местность на берегу реки Чернушки у пересечения сразу нескольких проселочных дорог (Подъелки и соседние Коробово — будущее Тушино, — Иваново, Братцево, Спас и Петрово) предку рода Тушиных — боярину Родиону Несторовичу за присоединение к московскому правлению новгородской части Волока Ламского (Волоколамска). Впоследствии эти надельные земли перешли во владение сначала сыну Родиона Несторовича — Ивану Родионовичу Квашне (Квашня — прозвище, данное за рыхлость тела), а затем внуку — Василию Ивановичу Квашнину, прозванному за его внушительные формы Тушей.

С названием Подъелки связан топонимический казус. Обычно исследователи читают его как «Подъёлки» и, таким образом, понимают название как «селение под ёлками». Но сама буква была введена, как известно, только во второй половине XVIII века, поэтому оппоненты такой этимологии перетолковывают это название как производное от слова «подъедать», что должно указывать на житейскую скудость, бедность местных поселенцев. Это противоречие можно было бы разрешить, обратившись к источникам с точным написанием и произнесением этого названия, однако поскольку во многих изданиях букву «ё» часто опускают, казус до сих пор не разрешен.

Древняя дорога на Волоколамск шла южнее теперешней: от Ваганькова мимо станции метро «Беговая», затем наискосок через Ходынское поле, нынешними улицами Маршала Бирюзова и Маршала Василевского, пересекая речку Химку и выходя на современную трассу уже в Тушине. Трудно поверить, но нынешнего Волоколамского шоссе не было здесь вплоть до второй половины XIX века. Вместо него одна из существовавших здесь проселочных дорог шла от Всехсвятского (нынешний район станции метро «Сокол») к Покровскому — она и стала основой новой трассы шоссе, когда старая оказалась перерезана военными лагерями, занявшими Ходынское поле. От нее ответвлялась дорога на Иваново, сохранившаяся и поныне как Ивановское шоссе. Еще одна дорога шла в сторону Никольского, к Тверской дороге (сейчас там вырос микрорайон «Лебедь»). Ее пересекала дорога из Всехсвятского в Захарково,

* Забелин И. Е. История города Москвы. М., 1990. С. 10.

** Там же. С. 17.

находившееся на теперешнем тушинском берегу Химкинского водохранилища. А сама Чернушка вытекала из болот в стороне Никольского. Ее верховья до сих пор просматриваются недалеко от выхода из парка к мосту через пути Окружной железной дороги на Ленинградском шоссе возле улицы Адмирала Макарова. Уже во второй половине 1960-х годов в ее заболоченном русле были выкопаны обширные пруды — это нынешняя зона отдыха в районе станции метро «Войковская». Русло Чернушки продолжают два нижних пруда — собственно усадебные, выкопанные первоначально еще в XVII веке. Дальше река забрана в трубу, а когда-то она продолжалась вдоль путей Рижского направления железной дороги на перегоне в сторону Шукина, а потом отходила правее (Полесский и начало Врачебного проезда приблизительно отмечают направление ее течения) и впадала в Химку возле современной развязки Волоколамского шоссе и улицы Свободы (сейчас через водоспуск, заметный на берегу нижнего пруда, где речка уходит в трубу по новому руслу, вливаясь в канал имени Москвы почти у его устья, ниже последнего шлюза).

Еще в XIV веке здесь была деревня Подъяелки — владение Степана и Федора Тушиных, через два века запустевшая (о чем и говорит первое упоминание ее как пустоши, «что была деревня Подъяелки» в писцовых книгах 1584–1585 годов). Принадлежала она к тому времени уже помещику Елизару Ивановичу Благово. В то время он активно участвовал в дипломатической деятельности России, в частности, присутствовал при свадебном обряде ливонского короля Магнуса с двоюродной племянницей Ивана Грозного Марией Владимировной, безуспешно ездил с мирными предложениями к Стефану Баторию.

В относящихся к тому времени Писцовых книгах Московского уезда Горетова стана от 1584 года о местности вблизи Чернушки сообщалось: «За Елизаром Ивановом сыном Благово вотчине, что было преж сего за Степаном да за Федором Тушиными купли: дер[евня] Опраксино на рчк. [речке] на Хинке... дер[евня] Оносино на устье рчк. [речки] Хинки... Пустошь, что была дер[евня] Подъяелки... и всего за Елизаром в вотчине 2 дер[евни] живущих, да пуст[ошь], а в них дв[ор] вотчинников да дв[ор] деловых людей»*.

* Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Фонд Шаховских-Глебовых-Стрешневых. Ф. 47.

Во время Смуты неподалеку, на реке Сходне, как мы уже говорили, разбил лагерь Тушинский вор Лжедмитрий II. Фактически здесь тогда, 400 лет назад, творилась история страны, решалась ее судьба. В лагерь, где собралось до 50 тысяч человек, приезжала Марина Мнишек, которую в очередной раз уговорили признать мужем — чудесно спасшимся царевичем Димитрием — очередного самозванца, имени которого даже не сохранилось, и даже обвенчаться с ним, и оттуда же им обоим после разгрома лагеря пришлось бежать в Калугу. А еще до того польские интервенты, переходя с Тверской на Волоколамскую дорогу, никак не могли миновать Подъяелки. Еще до появления Тушинского лагеря поляки несколько раз предпринимали наступления в сторону Москвы и несколько раз были отбиты, так что эти края оказались в самом эпицентре боевых действий и, по всей видимости, были сильно разорены. В нескольких верстах отсюда стоял стан «тушинцев», во Всехсвятском — лагерь правительственных сил. Можно сказать, что здесь в то время проходила передняя линия обороны столицы и всего государства от интервентов.

Один из путеводителей середины XIX века напоминает о славной истории этих мест: «Не смотрите, почтеннейший пассажир, равнодушно на тот ручеек, который называется Химкою (а прежде наз[вана] Хинска, Хынска), и который мы проехали, может быть, не заметивши его. [...] В 1608 году Царское войско, поражая Ляхов и Казаков, коварно напавших на Русский стан на Ходынке, охранявший Москву от Самозванца Тушинского, гнало их от Пресни до Химки. Эта первая победа предшествовала другой важнейшей в следующем году, в Троицын день совершившейся, и подала случай Князю Скопину-Шуйскому спокойно готовить гибель гнезду злодейства — ужасному Тушину!..»*

Что уж говорить о нынешнем времени, когда Химка крепко-накрепко запрятана от любопытных глаз вначале под каналом, а потом под развязкой Волоколамского шоссе и улицы Свободы! О давних баталиях здесь даже не приходит в голову задуматься.

Среди соратников самозванца был Андрей Федорович Палицын, который по иронии судьбы умудрялся послужить «и нашим, и вашим». От службы окольных у Я. М. Годунова он переметнулся к самозванцу, вместе с сорат-

* Путеводитель от Москвы до С.-Петербурга и обратно / сост. и изд. Н. Д. М., 1839; 2-е изд. М., 1847. С. 19.

никами из Тушинского лагеря ездил в Тотьму выпускать опальных и сочинил для этого подложную грамоту. Грамота вызвала сомнения, Палицын был схвачен и выложил дознанию все, что знал о самозванце и его соратниках, за это был освобожден и перешел на службу польскому королю Сигизмунду III, пожаловавшему его в стряпчие. Это не помешало ему несколькими годами спустя оказаться среди ратных людей Троице-Сергиева монастыря, с отрядом в 50 ратников отправиться спасать Москву от готовящегося поджога, воеводой в Осташкове биться с литовцами, захватить «языка» и послать его в Москву, потом служить воеводой же в Муроме, а затем в приполярной Мангазее и вернуться оттуда с чертежом реки Лены и описанием тамошних земель и населявших ее берега народов. Этот самый Андрей Палицын в 1622 году числился владельцем Подъялок, но из-за служебной занятости и невозможности заниматься делами Покровского еще до отъезда в Мангазею он продал свою тушинскую пустошь дьяку Михаилу Феофилаьевичу Данилову.

Новый владелец в отличие от своего предшественника никогда не был замечен в стане противника. На тот момент он был дьяком Разрядного приказа, ведавшего воинскими делами, строением и починкой крепостей, назначением людей на воинскую службу (запомним эту должность!). Также Данилов участвовал в подготовке перемирия с Польшей после затянувшихся войн и междоусобиц Смутного времени (Деулинское перемирие 1619 года), позднее получил дипломатическое поручение отвезти турецкому султану известие об избрании на царство Михаила Романова. В 1635 году он был пожалован в думные дьяки Поместного приказа, через 10 лет участвовал в переписи денежной и соболиной казны, доимочных денег в Сибирском приказе и в приказе Казанского дворца. Еще в 1618 году судьба столкнула его по службе с владельцем соседнего Захаркова боярином князем И. Б. Черкасским. Будучи особой, приближенной к царю, он обзавелся землями близ Химки и превратил пустошь Подъялки в деревню, где поставил двор с деловыми людьми.

Патриарший Казенный приказ отмечал в своих документах, что в 1629 году в Покровском уже была каменная «новоприбылая церковь Покрова Святой Богородицы, да в приделах чудо Архистратига Михаила, да Алексея Чудотворца, в вотчине разрядного дьяка Михаила Данилова в селе Покровском-

Подъялки»*. Так что самая ранняя датировка местного храма укладывается в отрезок между 1622 и 1629 годами. Со временем бывшая пустошь становится крупным селом. Так, Переписная книга 1646 года сообщает уже: «...за думным дьяком за Михаилом Даниловым сыном Феофилаьевым село Покровское, Подъялки тож, а в нем церковь Покрова Пресвятой Богородицы каменная, а у церкви во дворе поп Симеон, да келья просвирницы, да 8 дворов крестьянских, людей в ней 26 человек»**.

При Данилове скромное землевладение разрослось почти в десять раз, вместо первоначальных 29 с половиной десятин «потягло» к себе около 300 десятин и, главное, воскресло после Смутного времени и запустения, превратилось в благоустроенное, хотя и небольшое, село. Но не сложилась у Данилова личная жизнь. Из всей семьи его пережила всего на год одна дочь. Он делал щедрые вклады в Троице-Сергиеву лавру и московский Успенский собор на помин души умерших родственников, за что его род был записан в Синодик Сергиева монастыря.

Какое-то время затем Покровским владел Федор Кузьмич Елизаров, купивший Покровское у вдовы Палицына в 1652 году. За более чем четыре десятилетия неторопливого продвижения по службе Елизаров дослужился до окольного и главы Поместного приказа. Вместо 220 дворов к концу его жизни в 1664 году в Покровском насчитывается уже 500. А далее село купил окольный, впоследствии боярин, Родион Матвеевич Стрешнев. Предыс-

Хорн Р. В. Портрет царицы Евдокии Лукьяновны Стрешневой. По рис. З. П. Ахочинской. Начало 1890-х

* Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 235, Патриарший Казенный приказ. Оп. 2. Д. 4, 7137 (1628/29) г. Приходная книга Патриаршего Казенного приказа.

** РГАДА. Ф. 235, Патриарший Казенный приказ. Оп. 2. Д. 21, 7155 (1646/47) г. Приходная книга Патриаршего Казенного приказа.

Степанов Д.
Портрет Л. С. Стрешнева.
1810-е

тория заканчивается и начинается собственно стрешневская страница жизни села. Новые владельцы оказались в родстве с царской фамилией, и Покровское при Алексее Михайловиче Тишайшем было пожаловано четвероюродному брату царицы, Родиону Матвеевичу. Так что родство, хотя бы и отдаленное, было, и неприязненные нотки в давней статье Н. М. Молевой, воскресившей из небытия Покровское, по поводу стремления его владельцев любой ценой «примазаться» к «настоящим» Стрешневым, можно отнести только на счет «требований времени».

Связанные с заслугами Стрешневых предания свято чтились в имении, владельцы которого берегли память о своих именитых предках.

До того как Стрешневым посчастливилось породниться с новой династией, их род, известный с 1540-х годов, был малозаметным. Первый Стрешнев, приехавший в Москву при Иване III, не предоставил никаких бумаг, поэтому родословную записали с его слов — и по поводу дворянской родovitости, и по поводу того, что он родом из Речи Посполитой.

В основании родословного древа, составленного в XVIII веке и хранившегося в усадьбе, было помещено имя Дмитрий. Рядом с его именем шла надпись: «При державе Великого князя Иоанна Васильевича Московского и Всея России самодержца выехал из Польши с Полоцкого своего воеводства, от которого повелися в Московском государстве словенском званием Стрешневы». По другой версии, восходящей к родословной басне, род происходит от Якова Стрешевского, стольника плоцкого, уже сын которого Дмитрий Яковлевич действительно выехал при великом князе Иване III Васильевиче в Москву и стал родоначальником Стрешневых.

Воцарение Михаила Федоровича Романова происходило в очень сложной обстановке. Для выхода из глубокого кризиса, связанного со Смутой, на престоле требовалась личность, которая позволяла бы поддержать преемственность с прежней династией. И при этом устраивала бы все противоборствующие боярские и земские группировки, поэтому выбор пал на Михаила Федоровича Романова. Важным аргументом стало также то, что его дед Никита Романович Захарьин-Юрьев был родным братом первой жены Ивана Грозного Анастасии Романовой.

После избрания на царство новый монарх должен был жениться. Женидьба для мужчины того времени была знаком его совершеннолетия, потому что не управляющий собственной семьей не мог управлять государством. В интересах стабильности государства необходимо было обеспечить продолжение династии, поэтому сразу же после избрания царя были созваны смотрины царских невест, проходившие по византийскому обычаю, когда со всей страны собирались самые красивые, здоровые и благочестивые девицы знатных родов, которым предстояло пройти несколько этапов отбора. Но молодой Михаил Федорович стал жертвой боярских интриг. Выбранная царем Мария Хлопова была отравлена по приказу Долгоруких. Марию признали «порченной», насильно постригли в монашество и отправили вместе со всем семейством в Сибирь, а Михаила Федоровича женили на Марии Долгорукой. К несчастью, молодая царица умерла вскоре после свадьбы (также, по всей вероятности, не без помощи бояр).

Время шло, а судьба династии по-прежнему была под вопросом, да и сам царь, не отличавшийся крепким здоровьем, к 30 годам стал страдать болезнью ног. В конце концов ради спасения государства от новой смуты он настоял, что будет выбирать невесту сам. Для оставшихся двадцати кандидаток в царские невесты он приказал построить палаты, куда поселил их с мамками и няньками, чтобы присмотреться, каковы они в повседневной жизни (вполне резонный подход). И в конце концов его выбор пал на девушку из свиты одной из претенденток — Евдокию Стрешневу. Обнищавший отец Лукьян Степанович Стрешнев был вынужден отдать родную дочь, чтобы она не терпела нужды, в свиту более богатой родственницы, боярышни Елены Шереметевой, которая и вошла в число кандидаток в царские невесты.

Когда царские посланники приехали к отцу Евдокии — Лукьяну Степановичу, он долго не верил, что его везут в Москву на свадьбу дочери, а не на казнь, и поверил в это, только увидев дочку с государем на ступенях Благовещенского собора Кремля.

Скромная свадьба состоялась 5 (15 н. ст.) февраля 1626 года в Москве. Молодых обвенчал сам патриарх Филарет, отец жениха. Причем царь ввел Евдокию в кремлевские палаты всего за три дня до объявления венчания, боясь, как бы враги не «испортили» девушку. До того отец и братья сами стерегли ее дома. Для Евдокии Лукьяновны в царицыных мастерских сшили праздничный наряд, взяв в качестве образца парадное платье Ирины Федоровны Годуновой, которая отличалась хорошим вкусом.

Кстати, Лукьян Степанович был единственным царским родственником, не имевшим никакой должности при дворе, и звался просто «тесть государев». Положенное ему боярство он получил только в 1634 году, восемь лет спустя после свадьбы дочери.

Да и сама царица была так же, как отец, добра и милостива, очень любила богомолье, постоянно посещала известную тогда московскую блаженную Марфу, подвизавшуюся в Иоанно-Предтеченском монастыре и славившуюся как молитвенница о чадородии. Евдокия Лукьяновна щедро жертвовала в монастыри дорогую утварь, вымаливая наследника. Особо любила она придел великомученицы Евдокии в кремлевском Вознесенском монастыре. И действительно, несмотря на не очень крепкое здоровье мужа, за тринадцать лет брака она родила ему десятерых детей, в числе которых был будущий царь Алексей Михайлович, отец Петра Великого (впрочем, до взрослых лет дожили всего четверо: помимо Алексея, три его сестры — Ирина, Анна и Татьяна).

Сын и наследник престола царевич Алексей родился 9 марта 1629 года (ст. ст.). Это событие было широко отмечено, в том числе и поднесением щедрых подарков молодым родителям. И именно 1629 годом датируется первое упоминание церкви Покрова Пресвятой Богородицы, дошедшей до нашего времени, хотя в то время Покровское принадлежало еще другим владельцам. Совпадение вполне символичное...

Строго говоря, привычное нам написание и произношение фамилии Стрешневых не совсем корректно. И все из-за той же злополучной буквы «ё» Стреш-

невы оказываются... понятное дело, Стрешнёвыми, о чем и свидетельствует целый ряд дореволюционных же (да и нынешних!) источников, но раз уж дело зашло так далеко, придется все-таки писать фамилию наших героев через «е».

Часто путаница возникает по поводу того, из каких земель происходили «царицыны» Стрешневы. Они именуются то можайскими, то мещовскими дворянами. При этом одни представители рода не считали своими родичами других. От себя добавим, что, как считается, принадлежавшие к царской родне Стрешневы прекратили свое существование по мужским линиям к 1802 году. Но эта фамилия встречалась и в XX веке, да и в наше время (например, вдова советского поэта Ярослава Смелякова переводчица Татьяна Стрешнева). В связи с этим А. Г. и П. А. Смысловы, авторы книги «Царицыно: История села Черная Грязь и его окрестностей в XVI–XVIII веках». (М., 2012) указывают, что фактически существовало два рода Стрешневых, или, возможно, две ветви того самого рода полулегендарных выходцев из Польши, о которых мы уже говорили — Стрешневы можайские и Стрешневы мещовские (по городу Мещовску Калужской губернии), из которых, собственно, и происходила избранница царя. Между прочим, еще в 1872 году архимандрит Леонид*, работая над своими исследованиями о роде Стрешневых, сопоставляя источники и исторические реалии, приходит к твердому выводу, что жизнь Стрешневых так или иначе складывалась вокруг старинного мещовского Георгиевского монастыря, внимание к которому отличало всех первых Романовых от Евдокии Лукьяновны до Петра Великого. Любопытно, что из того же Мещовска родом была первая супруга Петра I, известная как Евдокия Лопухина. Между тем, ее имя при крещении было Прасковья, а Евдокией ее назвали в честь Евдокии Стрешневой. Сватал же ее за юного царя Тихон Никитич Стрешнев, будущий верный сподвижник Петра, представитель еще одной ветви стрешневского рода.

Еще при Иване Грозном на государевой службе числился думный дьяк Иван Филиппович Стрешнев, сын «основателя» династии, о котором мы уже говорили, впоследствии, при самозванце Лжедмитрии, выдвинувшийся в думные дворяне и ставший воеводой в Устюге.

* Леонид (Кавелин Лев Александрович; архимандрит Троице-Сергиевой лавры; 1822–1891). Лукьян Степанович Стрешнев: Старинное ист. предание // Из сб. прошлого столетия; Исследование о роде Стрешневых. М., [1872].

Брат Лукьяна Степановича Иван Степанович Стрешнев был членом Боярской думы (формально возглавлял Думу царь), заседавшей в Кремле с 28 апреля по 2 мая 1613 года. Его брат Федор первым из выборных мещовских горожан подписал грамоту об избрании на царство Михаила Федоровича Романова. Стрешневы активно участвовали в обороне Москвы во время Смуты, и Михаил Федорович достойно отметил их заслуги, наградив чинами и поместьями в разных уездах. Еще один брат Лукьяна Степановича, Сергей, стал московским дворянином. На государственной службе особенно отличился сын Федора Степановича Степан Федорович, двоюродный брат царицы. Вторым воеводой в Воронеже он отражал татарские набеги из Крыма. В результате трех боев «татар побили, и языки поимали и полон отбили, а в языцах взято татар 10 человек», за что Степан Федорович был щедро вознагражден царем.

Впрочем, Федор Степанович, несмотря на свой героизм при отражении набегов Лисовского, поначалу оказался в тени, а его заслуги — недооцененными. В 1627 году он обратился к царю с челобитной, и царь признал свое упущение и приравнял заслуги Федора Степановича к заслугам его братьев. Вероятно, царица особенно его любила и уже в следующем году сделала его своим дворецким, управляющим Царицыной мастерской палатой. Он не только заведовал вещами государыни, но и по ее поручению заказывал молебны и раздавал милостыню, а незадолго до смерти, уже в 1645-м, был пожалован боярством, причем уже новым царем — Алексеем Михайловичем, сыном Евдокии Лукьяновны и, соответственно, собственным внучатым племянником.

А сразу после царской свадьбы уже упоминавшиеся нами два родных дяди царицы, Иван и Федор, и сын последнего Степан Федорович, двоюродный брат Евдокии Лукьяновны, были наделены подмосковными поместьями.

С этого момента и началось возвышение Стрешневых. Отец, дядья и братья царицы стали боярами, а потомки занимали высшие государственные должности. На всем протяжении XVII и XVIII веков многочисленные Стрешневы входят в состав царского двора, встречаются среди царских окольничих, стольников, выполняют важные поручения политического и дипломатического характера, другие служат воеводами в различных городах государства Российского. Еще один Стрешнев, из другой ветви — Тихон Никитич, пятиродный брат царя Алексея Михайловича, — выдвинулся уже в петровское время и сначала был дядькой

юного Петра. За выдающиеся заслуги и преданность Петр, отправляясь в составе Великого посольства в Европу, поставил его как главу Разрядного приказа (его же, напомним, возглавлял когда-то один из прежних владельцев имения — Михаил Феофилачевич Данилов!), ведавшего управлением армии и службой дворян, вместе со зловещим главой Преображенского приказа князем Ромодановским, во главе государства. Исключительная преданность Тихона Никитича монарху стала нарицательной, и в благодарность Петр при учреждении губерний сделал его первым московским губернатором. Он же, Тихон Никитич, присутствовал при последнем допросе опального царевича Алексея 26 июня 1718 года.

Очень выразительна судьба Родиона Матвеевича, который интересен нам как первый в роду владлец Покровского: ему довелось служить всем первым царям из династии Романовых от Михаила Федоровича до Петра Алексеевича, причем при первых двух — Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче — он занимал должность стольника. Возглавлял он также приказ Большого прихода, а затем Сибирский приказ. Родиону Матвеевичу доверяли важнейшие поручения: он участвовал как поезжанин (участник свадебного поезда) в церемониях на свадьбе Алексея Михайловича Романова и Марии Милославской, ездил в 1653 году в составе посольства на Украину к гетману Богдану Хмельницкому с известием о том, что царь «принимает его под свою высокую руку», присутствовал на венчании на царство старшего сына Алексея Михайловича — Федора, причем держал на золотом блюде царский венец; а еще ему приходилось воевать, улаживать конфликты между патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем, служить дядькой при его сыновьях, включая Петра, фактически пестовать будущего императора.

Отличался он и чувством собственного достоинства, не боялся спорить с самим царем, когда чувствовал свою правоту. Из «Истории» С. М. Соловьева, одно время снимавшего дачу в Стрешневе, известен, например, такой факт: страдавший избыточной тучностью Алексей Михайлович почувствовал облегчение от сделанного кровопускания и вслед за собой приказал сделать остальным. Боярин решительно отказался от процедуры, на что царь осерчал и со словами: «Разве твоя кровь дороже моей? Что, ты считаешь себя лучше всех?» — побил боярина, впрочем, потом старался загладить вину, прислав в знак примирения ценные подарки.

Побуг (польский шляхетский герб) Стрешневых

Описание герба: в щите, имеющем голубое поле, изображена серебряная подкова и над ней золотой крест. Щит увенчан дворянским шлемом с дворянской на нем короной, на поверхности которой выходящая собака в золотом ошейнике. Намет на щите голубой, подложенный серебром

Городское владение Стрешневых издавна располагалось на углу теперешних Большой Дмитровки и Камергерского переулка. Главный дом их усадьбы до сих пор сохранился во дворе солидного жилого дома, выстроенного в 1913 году и известного книжным магазином «Дом педагогической книги». В свое время от Родиона Матвеевича он перешел к его сыну Ивану Родионовичу, и до середины XIX века усадьба находилась в роду Стрешневых, а потом — Глебовых-Стрешневых. Загородный же двор Родиона Матвеевича был на Божедомке. Ныне здесь Музей декоративно-прикладного искусства (Делегатская ул., 3).

Уже при Алексее Михайловиче, в 1664 году, Родион Матвеевич приобрел Покровское. Архивы сохранили даже точную дату совершения купчей. По современному календарю это 10 июня. С тех пор его потомкам (в общей сложности семи поколениям рода) имение принадлежало два с половиной столетия вплоть до Октябрьской революции.

По фамильной традиции своеобразным талисманом рода Стрешневых была стоящая на задних лапах собака, символизирующая преданное слу-

жение. Ее изображение присутствовало на гербе Стрешневых, восходя еще к XVII веку, позднее Глебовых-Стрешневых, а затем Шаховских-Глебовых-Стрешневых. История же о том, что обелиск перед фасадом дворца — могила хозяйской собаки, спасшей одного из тонувших членов правящей династии, не более чем миф, основанный на том факте, что обелиск был увенчан золоченой фигуркой собаки и напоминал надгробный памятник.

В разветвленном роду Стрешневых для нас интересны три ветви, собственно, и представленные на схеме — основные ветви генеалогического древа Стрешневых. Предка царицы в четвертом поколении (общего для всех трех ветвей), ее прапрадеда, звали Василием Ивановичем. «Царская» ветвь восходит к его сыну Андрею. Другой сын, Иван, породил еще две ветви, его праправнук по одной из них (от сына Афанасия Ивановича) Тихон Никитич — сподвижник Петра и первый генерал-губернатор Москвы. Соответственно, он приходится братом в пятом колене царю Алексею Михайловичу, сыну Евдокии Стрешневой. Известный нам Родион Матвеевич Стрешнев, первый в роду владелец Покровского, — потомок другого из сыновей Ивана Стрешнева, Федора. Тому же поколению, что царь Алексей Михайлович и Тихон Никитич, по этой линии соответствует как раз один из сыновей Родиона Матвеевича — Иван Родионович. А если учесть, что он был отцом Петра Ивановича Стрешнева, который так любил и избаловал свою единственную оставшуюся в живых дочь Елизавету, при которой в Покровском был построен и ныне существующий дворец, то выходит, что Елизавета Петровна была сестрой в седьмом колене всех детей Петра Великого: и опального царевича Алексея, и Анны Петровны, матери Петра III — злополучного супруга Екатерины Великой, и, разумеется, своей полной тезки — императрицы Елизаветы Петровны.

При первых владельцах Покровское не приносило особой экономической выгоды, большая часть владения находилась под лесом, и скорее оно было рассчитано просто на загородное жительство да на сбор доходов с местных крестьян, тем более что хозяева первые 100 лет находились на государственной службе. Удивительно, что, несмотря на прошедшие века и наступление городской среды, загородный колорит дворца, спрятавшегося в «лесном углу», хорошо заметен до сих пор.

ДРАМА С РЕСТАВРАЦИЕЙ

Получив в 1974 году соответствующее разрешение Моссовета, «Аэрофлот» стал разрабатывать планы обустройства здесь собственного Дома приемов международных делегаций, наподобие того, что уже в наше время организован столичной мэрией в Петровском путевом дворце (опять-таки занимаемом до того военной организацией и тоже авиационной — Военно-воздушной академией им. Н. Е. Жуковского). Для этого предлагались разные проекты реставрации усадьбы. Собственно, споры шли вокруг «наследия княгини Шаховской». Одна позиция сводилась к тому, чтобы вернуть дворцу первоначальный ампирный вид, пожертвовав кирпичными пристройками, искажившими его облик (кстати сказать, в таком ключе практиковал знаменитый П. Барановский). Другие же считали, что новоделы характерны для своего времени и стали уже неотъемлемой частью истории самой усадьбы, и потому не стоит восстанавливать лишь совсем уж дикие «рогатые» нагромождения над крышей. В конце концов возобладала эта точка зрения. Победил проект, предусматривавший возвращение к изначальному виду старой части дворца. Образно говоря, предполагалось разбить цельность тогдашнего вида дворца ради того, чтобы вычленив классическую часть, восстановив ее изначальный облик, и тем самым наглядно запечатлеть архитектурную историю дворца, показать «бриллиант в дешевой оправе», что и было в конце концов выполнено.

В самом деле, нелогично было сносить поздние наслоения: это равноправные вехи истории усадьбы. Елизавета Петровна Глебова-Стрешнева и Евгения Федоровна Шаховская — две страницы в истории усадьбы, которые нельзя разъять, не разрушив эту историю. При этом дворец получал вид,

какого на самом деле никогда не существовало, зато фактически создавалось своеобразное историческое пособие по изменениям его архитектурного облика во времени, фактически «двухтомное» (в упомянутом нами аспекте).

В проекте были задуманы и явные новоделы. Так, над кровлей правого корпуса предполагалось добавить декоративные завершения, характерные как для подобных построек в русском стиле вообще, так и аналогичные существовавшим над зданием театра «Парадиз» в московском владении Шаховских и утраченным на протяжении XX века. А в старой части дома предполагалось вернуться к полуциркульным окнам на третьем этаже по главному фасаду и восстановить лестницы вокруг балкона,

То, что должно было получиться, напоминает в чем-то отстроенный уже в наши дни деревянный дворец в Коломенском.

Опубликованная не так давно схема планировки внутренних помещений второго этажа позволяет представить, как авиаторы перекроили дворец под чисто служебные цели. Поражает изобилие внутренних перегородок, разгородивших некогда большие залы. Впоследствии, уже при реставрации, а потом при восстановлении дворца после пожара, многие из них были снесены и воссоздана планировка исторических, музейных залов, знакомая по старым путе-

Проект реставрации усадьбы. Работа М. Сметаниной. 1980-е

Восстановление главного дома. Фотография середины 1990-х.
Восстановлен внешний вид дворца, каким он был
при Елизавете Петровне Глебовой-Стрешневой

водителям. Так, был воссоздан в северо-восточном углу старой части здания большой кабинет, разделенный прежде на три клетушки и коридор. При этом театральный флигель в свою очередь был радикально перепланирован новыми безвкусными гипсокартонными перегородками.

В середине 1980-х годов реставрационные работы, наконец, начались. Дворец оделся в леса. Леса стояли и вокруг угловой башни, и по центральной, подковообразной части стены. Собственно, и сейчас эти части стены, которые успели обработать реставраторы, выглядят целее остальных. Трудно теперь сказать, что было сделано во дворце, тем более что последовавший пожар уничтожил большинство результатов работ. Известно, что при реставрации вскрыли исторические росписи на стенах, покрашенные в советское время, еще в конце 1920-х годов, о чем мы уже писали, было обнаружено еще что-то... Где все это? В заметке о пожаре говорилось, что «реставрация уже заканчивалась, осталось только стекла вставить... Совсем недавно во дворце установили новые электрощиты». Вероятно, электрощитовая, которая прячется за лестни-

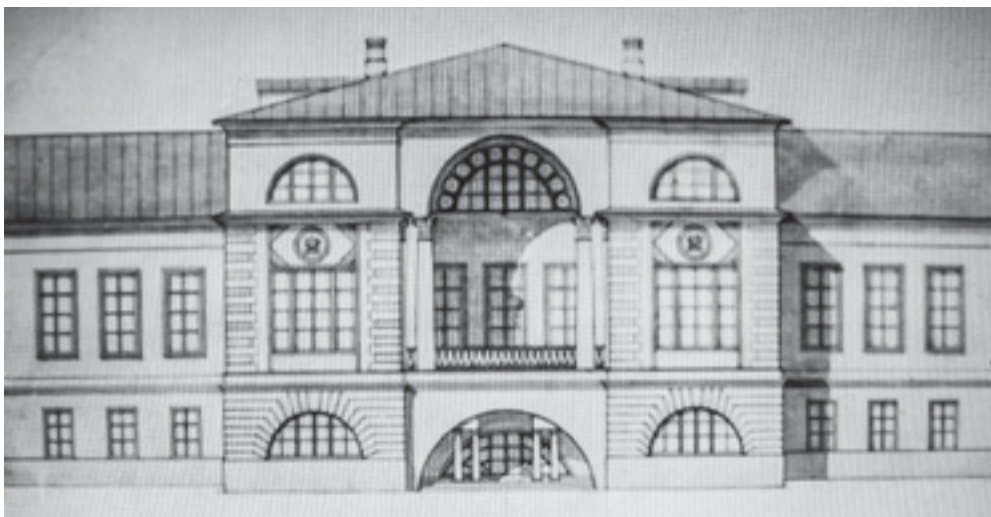
цей с атлантами, — как раз из того самого оборудования, которое так и не было запущено, точно так же как и еще одна установка, встроенная в ограду между центральной площадкой и угловой башней. Но оставалась еще как минимум серьезная работа по реставрации наружной стены. Даже сейчас видно, что угловая башня и подковообразная площадка перед воротами смотрятся целее и явно несут на себе результаты выполненных тогда работ, а основная часть стены буквально рассыпается на глазах. Определенно были заменены и большие центральные ворота, пришедшие в негодность — перекошенные, лишившиеся значительной части декора (при этом меньшие, боковые, сохранились до нашего времени неизменными: «лепестки» на них крепятся к раме с помощью штырьков, тогда как на главных воротах они сидят уже на болтах).

На некоторых фотографиях в правой части дома, над кровлей, также просматривается упоминавшаяся галерея с окнами. Она вела в верхний этаж от последней из сохранившихся лестниц в углу старой части дома, перед проходом в театральный флигель. Реставраторы собирались воссоздать утраченную в советское время галерею, но после пожара ее так и не восстановили, и теперь проход в мансарду осуществляется по третьему этажу из верхнего яруса театрального флигеля по темному сквозному коридору непосредственно под кровлей. Вместе с окантовкой дома по карнизу это была еще одна горизонталь, как бы давящая на дом сверху.

Определенная стилистическая близость черт старой и новых частей дома создавалась еще и тем, что на главном фасаде такие же, как и на садовом фасаде, полукруглые оконные проемы на верхнем этаже, по ширине в точности совпадая с шириной больших оконных проемов этажом ниже и как бы продолжая зрительно их вертикали, были растесаны на узкие, почти щелеобразные, проемы, переключаясь с такими же щелевидными окнами на третьем этаже кирпичного корпуса, примыкающего слева. Они хорошо просматриваются на многочисленных дореволюционных открытках, в окружении плетей дикого винограда, да и на фотографиях уже 1930-х годов. Зрительно они сохраняли в себе квадрат (который и был уже в позднее советское время «завершен», когда пары щелевидных окон растесали-таки под прямоугольные). После строительства двух кирпичных башен, примыкавших к торцевой северо-восточной части дома, на его третьем этаже, изначально закрытом здесь кровлей, образовался

соединявший их поперечный коридор, в который выходил сквозной коридор по мансардному этажу. В стене этого поперечного коридора, по линии образовавшегося здесь третьего этажа также первоначально были пробиты стрельчатые окна, уже в советские времена замененные ленточным остеклением, которое существует и сейчас.

Но если такие подробности, как изменение формы окон, сами по себе мало-значительно отразились на виде дома, то совсем не то произошло с парадным фасадом в целом. Восстановленный сейчас под начало XIX века, он сильно изменился. Это привело к некоей зрительной монотонности, которая сейчас усиливается одноцветностью стен и общей незавершенностью работ. Дверной проем парадного входа зрительно сейчас мало отличается от оконных по бокам, повторяющихся и по третьему этажу. Способствует этому ощущению и более элементарное заполнение, чем предполагалось проектом, проема входных дверей. Это тем более досадно, что при восстановлении дворец был выкрашен в традиционный для ампира желтый цвет с выделением деталей декора белым, но сравнительно недавно был целиком перекрашен целиком в белый, что уси-

Проект воссоздания главного фасада М. Сметаниной. Фотография 1980-х

лило монотонность его вида. Вдобавок за два века с лишним дворец неминуемо ушел в культурный слой и зрительно «опустился».

На фотографиях 1930-х годов видна по обеим сторонам входной арки пара бочковидных колонок, которые так же парами продолжают уже внутри здания по обеим сторонам вестибюля, связующего два входа во дворец — главный и садовый. А кроме того, они как бы служили зрительной (а может, и архитектурной?) опорой для колонн на лоджии, которые как бы продолжали заданные колонками вертикали, обрамляющие глубокую арку по центру фасада и утраченные в 1990-е годы.

При сопоставлении фотографий разных лет отчетливо видно, что в процессе реставрационных работ еще в 1980-е годы был восстановлен коринфский ордер капителей колонн как на лоджии главного фасада, так и на балконе садового фасада. До того он, пожалуй, даже не имел соответствия в общепринятой классификации ордеров и смотрелся весьма специфично, отражая, по всей вероятности, вкус княгини, при которой прежние коринфские капители были сбиты и заменены некими нашлепками. И какова была радость реставраторов, когда они вскрыли эти безвкусные капители и обнаружили под ними остатки первоначальных, «родных» коринфских капителей, которые потом и были бережно восстановлены, а фотография этого момента даже попала в учебник «Реставрация памятников архитектуры» под редакцией С. С. Подъяпольского*.

При этом там же, на лоджии и на балконе садового фасада, на протяжении всего XX века сохранялась оригинальная ограда: между колоннами были установлены ажурные решетки с цветочным орнаментом. В 1990-е годы их заменили балюстрадой, впоследствии полностью утраченной.

Как мы уже говорили, на фотографиях 1970-х годов отчетливо заметно по парковому фасаду выделение белым цветом нарядного декора и на старой части дворца, и на кирпичной пристройке, включая рустовку граней стен, замковые камни над окнами и маски-барельефы; выделение цветом, скрадывающее монотонность фасадов и громоздкость кирпичной пристройки. В результате на фасады были словно накинута ажурные кружева, что немало украшало их поверхность. Выделение цветом деталей, сохраненное и после восстановления дворца после пожара, было утрачено уже после 2003 года.

* Реставрация памятников архитектуры: учебник под ред. С. С. Подъяпольского. М., 1988.

В ходе реставрационных работ были также изменены оконные проемы зала усадебного театра. Еще в 1970-е годы центральный оконный проем представлял собой пробитый уже в советское время банальный прямоугольник, столь неуместный на старинных стенах и заменивший собой пару узких проемов, о которых напоминали остатки декоративного пояса вокруг них. В конце концов несесообразность была устранена, и теперь посетителей снова встречает цепь полуциркульных окон — узких, похожих на готические, проемов по всей дуге эркерной стены. Еще одно окно, перебитое в советские времена, обращено на третьем этаже в сторону кровли главного дома. Раньше там была пара узких, похожих на готические, проемов, таких же, как на фасадной стене, и таких же, которые были пробиты по мансардной части старого дома. Вкупе с «советскими» же окнами, пробитыми заново с левой части театрального флигеля, они лишний раз свидетельствуют о незавершенности реставрационного цикла.

Отказ от восстановления деревянных надстроек также, по всей видимости, не имеет однозначной оценки. С одной стороны, как считали архитекторы, это была уже не архитектура, а откровенная архитектурная бутафория. Вероятно, этот упрек справедлив. Тем более что перед реставраторами и не ставилась задача воссоздания облика дома во всех деталях, тем более поздних. Важно было вернуть старой части дома первоначальный облик и приспособить под современное использование то, что на тот момент существовало. Но, с другой стороны, и деревянные, и кирпичные достройки «работали» как раз на облик средневекового замка (без них утрачивается третья, последняя дореволюционная страница его видоизменений — от классики через русский стиль к готике), и на фотографиях 1920–1930-х годов видна определенная целостность его облика.

*

Вскоре после присвоения усадьбе статуса памятника, в 1978 году, ее владелец — Центральное управление международных воздушных сообщений «Аэрофлота» — задумал переоборудовать усадьбу под Дом приемов зарубежных делегаций и сделал заказ институту «Спецпроектреставрация», который специализируется на памятниках именно деревянного зодчества. Разработка проекта была предусмотрена решением исполкома Моссовета от 10 апреля

1978 года. В качестве сроков проведения реставрационных работ были установлены 1985–1987 годы.

Работы проводила Архитектурно-реставрационная мастерская № 7 под руководством известного архитектора (и, кстати, соавтора упоминавшейся ранее книги «Прогулки по Москве») В. Резвина. Проект реставрации разработал талантливый реставратор Сергей Киселев. Основной предварительный документ, Историческую справку, разработала Елена Острова. Кстати, на сам факт существования таких документов любезно указала мне одна из участников тех работ, Марина Сметанина, которая дополнительно рассказала много интересного и, увы, драматичного.

Заказчик задумал оборудовать усадьбу, как писалось, «для проведения переговоров с представителями иностранных ведомств Гражданской авиации и авиакомпаний, а также для совещаний Постоянной комиссии СЭВ по гражданской авиации». В главном доме предполагалось оборудовать залы приемов иностранных представительств, помещения для работы и совещаний — словом, все должно было быть и выглядеть в буквальном смысле на высшем уровне, особенно учитывая тогдашнее значение нашей страны на мировой арене и, соответственно, значение компании «Аэрофлот» (вспомним знаменитый слоган «Летайте самолетами Аэрофлота»).

В архивах «Спецпроектреставрации» в числе прочих материалов сохранилась предполагаемая схема обустройства помещений стрешневского дворца для этих целей. Эта схема поражает, хотя формально спланировано все было так, чтобы разместить парадные залы в старой, более ценной, части дома, а всевозможные вспомогательные помещения — в кирпичных корпусах.

По проекту, за входом в Дом приемов через двери главного фасада, в холле с бочкообразными колонками предусматривался гардероб, после него гости поднимались по лестнице с атлантами. В парадных залах старой, еще времен Елизаветы Петровны, части дворца планировалось разместить три зала переговоров (один на 50 человек и два на 30) с парными им банкетными залами такой же вместимости, гостевые, а также 18 рабочих комнат (для гостевых и рабочих комнат задействовались помещения в поздних кирпичных корпусах). Мансарда отводилась под гостиничные номера класса люкс с изолированным от дома приемов входом. На первом этаже также проектировались «про-

изводственные, складские и административные помещения банкетного блока»: кабинеты администрации Дома приемов, кинозал на 30–50 человек и бильярдная. В остальных частях нижнего этажа планировался пищеблок, цех приготовления холодной закуски, бельевая для столового белья, кладовые. Доставка готовых блюд осуществлялась бы в банкетные залы с помощью лифтов из нижних ярусов дома. Собственно, гостиничные номера в мансарде и пищеблок в театральном флигеле просматриваются в современной планировке дворца.

В других вариантах проекта под кладовые и т. п. отводились этажи обособленного двухэтажного флигеля, а хранилища продуктов размещались в подвальной части дома, спуск в который осуществлялся бы по пандусу с восточной стороны дома, то есть со стороны дворика между флигелем с восьмигранной башней и островерхой башней, примыкающей к дворцу (кстати, остроумная придумка архитекторов: в ней по всем правилам средневекового зодчества они спроектировали винтовую лестницу, соединявшую все этажи дома). Несколько гостевых номеров класса люкс с санузлами, а также сауна и кинозал размещались по этому проекту в западной и северо-восточной пристройках, то есть в корпусе с восьмигранной башней (причем в северо-восточной пристройке под это отводились бы все этажи), а рабочие комнаты иностранных представительств, кинозал и бильярдная размещались бы на третьем этаже. В поздних пристройках запроектированы были новые лестницы, дебаркадер, лифты и т. п.

Если попытаться представить себе все эти новшества в существующих помещениях дворца, совершенно не приспособленных для такого использования конструктивно и архитектурно, то просто берет оторопь. Судя по архивным материалам, многие помещения проектировщиками вписывались в существовавшую планировку без какой-либо системы, однотипные помещения могли располагаться в разных этажах и, более того, в разных частях здания. Так, две пары залов — приемов и банкетных — располагались бы на одном этаже, а один — на другом, причем в другой части здания, а гостиничные номера буквально впихивались бы в не предназначенную для этого планировку в театральном флигеле. В связи с этим становится понятным настойчивое стремление заказчика перестроить деревянную часть дома в кирпиче — так и практичней, и охранные требования не столь строгие, —

Эскизный план обустройства усадебной территории.

Работа М. Сметаниной. 1980-е

стремление, которое, по словам очевидцев, приобретало назойливые, если не сказать сильнее, черты.

При этом восстановленная оранжерея использовалась бы по своему прямому назначению (для выращивания цветов), что и было выполнено (то есть восстановление) реставраторами уже в 1990-е годы, угловая башня отводилась бы под протокольный отдел, а церковь — под выставочный зал и музей развития гражданской авиации.

Как видно из эскизного плана обустройства усадебной территории, предполагалось также приведение в порядок парка, очистка прудов, сооружение небольшой лодочной станции и летней купальни. На территории были запроектированы два теннисных корта и у пруда — финская баня на 12 человек.

ЗАГАДОЧНЫЙ ЗАМОК. Вместо предисловия	6	Глава XVI. Затянувшееся безвременье	254
Глава I. Предыстория, или Как безвестная пустошь оказалась во владении Стрешневых	32	Глава XVII. Драма с реставрацией	262
Глава II. Настоящая подмосковная. XVIII век	50	Глава XVIII. «Графские развалины». 200-е годы	285
Глава III. Тезка императрицы	64	Глава XIX. Наши дни	292
Глава IV. Утраченный шедевр	81	ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	297
Глава V. Стрешневы становятся Глебовыми-Стрешневыми	94	ПРИЛОЖЕНИЯ	300
Глава VI. Правнучка, достойная своей прабабки	124	Приложение 1. Рассказ реставратора М. Сметаниной	300
Глава VII. Особняк становится замком	134	Приложение 2. Иваново — приселок Стрешнева	315
Глава VIII. Накануне великих потрясений	148	Приложение 3. Елизавета Петровна Глебова-Стрешнева По воспоминаниям внучки ее Натальи Петровны Бреверн	335
Глава IX. Дом на Большой Никитской	171	Приложение 4. Документы, связанные с охраной и реставрацией усадьбы	349
Глава X. Дачники Покровского-Стрешнева	179	Приложение 5. основные события в истории усадьбы Покровское-Стрешнево с 1917 г.	357
Глава XI. Деревянный модерн на горке	189	ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	359
Глава XII. Культурное достояние или эксцентричная причуда?	198	ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	376
Глава XIII. Музей усадебного быта	224		
Глава XIV. «Сталинские соколы» в княжеских хоромы	238		
Глава XV. Покровское-Стрешнево в советское время	240		

Андрей Владимирович Потапенко

ПОКРОВСКОЕ-СТРЕШНЕВО:

История, люди, события

Редактор *Е. Р. Секачева*
Компьютерная верстка *В. В. Забковой*
Корректор *Л. А. Куртова*

ООО «Издательство «Кучково поле»
Москва, 119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 2-11
Тел.: (495) 256 04 56, e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 30.10.2019.
Формат 165x200 мм. Усл. печ. л. 28,08.
Тираж 1500 экз.

ISBN 978-5-907171-22-0

